

Поллюбитъ Дживона

М. Рэй

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

М. Рэй

Полюбить Дживона

«Автор»

2026

Рэй М.

Полюбить Дживона / М. Рэй — «Автор», 2026

Дживон Я переезжаю с семьей в тихий городок, чтобы сбежать от грязного, травмирующего прошлого и начать всё с чистого листа. И мне совсем не хотелось влюбляться. Тем более в ту, которой грозит срок. Однако меня тянет к ней, и я забываю зачем именно я согласился уехать сюда. Дни сменяются ночами, и Руби начинает относиться ко мне осторожнее кажется она, что-то знает. Руби По окончании школы, меня обвиняют в совершении убийства, к которому я не причастна. Но все доказательства указывают на меня. И больше нет подозреваемых — но я точно знаю, что этот человек есть. У меня нет времени на то что другое, кроме как искать виновного. Мне нужно быть на свободе. Но на пути появляется Дживон И я решаю изменить свой план, впустив в свое сердце этого парня. Но, что если он ведёт себя слишком подозрительно? И на деле, враг находится ближе, чем я думаю?

© Рэй М., 2026

© Автор, 2026

М. Рэй

Полюбить Дживона

Глава 1

Глава 1. Дживон.

Существует ли нечто более болезненное, чем насилие со стороны близких тебе людей?

Когда горло сжимает тёплая, шершавая ладонь, которая должна гладить тебя по голове перед сном или нежно, утешительно похлопывать тебя после победы в каких-либо соревнованиях.

Рука моего отца не знала добрых жестов. Рука моего отца была тяжёлой, а сила, с которой он бил, была настолько велика, что я в считанные секунды ощущал дикое головокружение.

Я бы простил ему избиение. Но не сексуальное насилие. Именно поэтому я не испытываю к этому человеку чувства сожаления, даже после того, как он покоится под сырой землей.

— Сынок, помоги мне, чемодан слишком тяжёлый, ты же знаешь, у меня больная рука, — послышался позади голос матери, и мне пришлось вырваться из пучины плохих воспоминаний.

Я моргнул, видя перед собой чёткий план нашего нового двухэтажного дома с белым фасадом. Он был новый, хорошо выглядел, и в нём ещё не происходили жуткие вещи.

Я развернулся и в пару шагов преодолел расстояние между мной и мамой. Молча взял свою сумку, рюкзак младшего брата и самый большой чемодан, в который мама, по её словам, сложила всё самое необходимое.

— Вот бы соседи не приходили со своим дурацким гостеприимством, — мама закатила глаза, ярко подведённые тёмными тенями. Она выглядела усталой и недовольной, и тут нечему удивляться. Это её повседневное поведение и настроение.

— Мам, а мы пойдём гулять? — осторожно спросил брат с улыбкой. Он получил неодобрительный взгляд сверху вниз и короткое «нет».

У меня, как и у мамы, не было ни малейшего желания бродить по улицам именно сейчас. Но Канниль — ребёнок, ему интересны новые места, ему хочется познавать всё, что появляется на его пути.

— Дживон?

— Что? — откликнулся я, раздражённо дергая дверную ручку на себя и заглядывая в новую прихожую, которая была в потемках.

— Переставь машину в гараж, у меня уже сил не хватает.

Я швырнул сумку и рюкзак вглубь дома, чемодан поставил у тумбы для обуви и лёгким шагом вернулся к новому синему Форду. По сути это была моя машина, но я её отдал маме. Она куплена на деньги родителей покойного отца. Я никогда не сделаю её своей. Никогда.

Забравшись на водительское место, я быстро перестроился и выехал на дорогу, свернул и скрылся за домом.

Неожиданно салон наполнил неприятный звонок телефона. Это был не мой, а мамин. Кажется, она совсем забыла про него.

Я опустил глаза и увидел на экране имя: Сабрина. Это была помощница по работе, которая давно трудилась в одной компании с матерью. Сабрина была юристом, а мама — адвокатом. У них у обеих ужасный характер, хоть я и не должен так думать и говорить об этом в плохом ключе, но правда сама прорывается наружу.

Я потянулся, чтобы ответить — потому что впереди на дороге никого не было. Но как только я услышал женский низкий голос на том конце провода с вопросом: «Когда ты ответишь на мои СМС?», — я во что-то врезался. Звук был тяжёлым, глухим, и раздался короткий визг.

Я резко ударил по тормозам и врезался подбородком в кожаный руль, отчего во рту появился металлический привкус крови. *Чёрт...*

Отбросив телефон на заднее сиденье, я расстёгнул ремень безопасности, выскочил на улицу и увидел на асфальте под колесом красноволосую девушку, которая корчилась от боли, держась за лодыжку. Рядом валялся изогнутый велосипед, колесо ещё бешено вращалось, а корзинка отпала и укатилась в сторону.

— Твою мать...

Я закатал рукава бело-синей рубашки, мышцы напряглись, и я, молча, без разрешения, подхватил её под мышки и попытался поставить. Она взвизгнула, от шока и боли грубо оттолкнула меня, отчего снова не удержалась и упала.

— Да что ж ты делаешь?! Я же хочу помочь!

Я просунул руки ей под спину и под колени, ловко, но аккуратно подкинул и прижал к себе. Её лицо оказалось вблизи моего. Она удивлённо моргнула, разглядывая меня: мою щетину, которую я не очень-то люблю сбривать; она мне не мешала, да и даже нравилась. Узкие глаза, над которыми, несомненно, можно пошутить.

— Что?

Она пришла в себя от случившегося и завопила:

— Ты сбил меня!

— Вообще-то это проезжая часть, и здесь не было пешеходного перехода. Так что, по сути, ты сама упала под машину.

— Какого хрена?! — она начала извиваться у меня на руках. Кто я такой, чтобы насильно держать человека?

Опустив её на здоровую ногу и придерживая за талию — которая, кстати, мне понравилась — и спешу заметить: эта девушка не мучает себя голодом. Я услышал:

— Я напишу на тебя заявление. Мудак!

— За что? — виновато спросил я.

— Ты чуть не убил меня! — она всплеснула руками, глядя на меня снизу вверх. Я выше её, и смотреть на такое свысока было довольно забавно. Во мне не было страха, что на меня придут полицейские, чтобы запереть в камере или выписать штраф. Даже если это и будет — что с того? Меня это не пугало.

— Хорошо, извини меня.

— Серьёзно? Думаешь, я тебя так просто прощу? — она упёрла руки в бока, шатаясь, кусая пухлые губы, явно сдерживая себя, чтобы не заплакать от боли.

— Да. Я хороший человек, а вот ты слишком шумная и пытаешься подставить невинового. Это нечестно, знаешь?

— Ты больной. Понятно? Тебе нельзя садиться за руль! Тебе повезло, что я опаздываю и у меня нет времени вызывать копов.

Она с трудом убрала велосипед на обочину, плюнув на него, и, хромая, пошла вперёд, доставая телефон, чтобы, явно, кому-то позвонить или написать и пожаловаться.

Я смотрел ей вслед и понимал, что никуда она не дойдёт в таком состоянии. С одной стороны, я не обязан ей помогать, да и вряд ли она примет помощь. Но с другой... она же девушка.

— Эй! Я могу подкинуть тебя. Хочешь?

Она показала мне средний палец, не оборачиваясь.

Нахалка.

Мне ничего не оставалось, кроме как пойти за ней. Она думала, что я виноват. Хорошо, сценарий будет разыгран по её версии.

— Тебе далеко? Скажи место и адрес. — Я нагнал её и снова поднял на руки. Она ахнула, едва не уронив мобильный, но крепко вцепилась в меня, обнимая за шею. Её дыхание коснулось моего лица, и я невольно сморщил нос.

— Кажется, здесь кто-то любитель острой пищи, — сказал я.

— Заткнись, — она специально стала дуть на меня, провоцируя. — Такое некрасиво говорить девушкам.

Я несколько раз быстро моргнул, ощущая, как глаза слезятся от запаха. Я на дух не переношу острую еду и всё, что с ней связано. Пальцы, держащие её под коленями, невольно сжались.

— Прекрати немедленно, — рявкнул я.

Она сомкнула губы и отвернулась; её густые пряди волос коснулись носа, я почувствовал ягодный запах, и это было куда лучше. Я сам того не замечая принялся.

— Не нюхай меня как извращенец.

— Не стоит так говорить, я же не насилую тебя, — ответил я.

Когда я резко свернул и потащил её к машине, она встрепенулась, хотя это было бессмысленно. Я сильнее.

— Нет-нет, я не поеду с тобой! У тебя наверняка нет даже прав!

Я уже посадил её на переднее пассажирское сиденье и захлопнул дверь перед её носом; она тут же заблокировалась. Сев за руль, я выудил из бардачка пластиковую карточку и показал ей — водительское удостоверение: Ли Дживон.

Она прищурилась, бегло рассматривая моё фото, сделанное лет семь назад. Её взгляд зацепился за дату моего рождения. Она медленно отодвинулась и недоверчиво уточнила:

— Ты второго года? Серьёзно?

— Что, выгляжу младше? — я улыбнулся; в глазах вспыхнул блеск, я ожидал лести.

— Скорее старше! — она прыснула со смеху, закрывая рот ладошкой.

Улыбка с моих губ сошла. Я посмотрел на неё, пожав плечами.

— Ну и ты не молодая, — проворчал я. На что получил по лицу кулаком, и сделал наигранный испуг. — Всё, понял. Боевая. Выглядишь на все шестнадцать.

— Мне восемнадцать.

Я кивнул, начиная сдавать назад, чтобы вернуться на дорогу.

— И как же зовут такую взрослую девочку?

— Руби, — процедила она сквозь зубы, как ругательство. Я почувствовал её пытливый, недобрый взгляд.

— Приятно познакомиться, Руби, — сказал я. Или, как мне хотелось бы назвать её — нахалка. Но я, как истинный джентльмен, промолчал.

Она не ответила взаимностью. Я не стал высказывать недовольство или никому не нужную обиду. Она вправе игнорировать меня всю дорогу, пока мы ехали до места назначения. Это оказалась... школа?

— Всё, спасибо тебе, конечно, неопытный водитель, мне пора. Уроки ждут, — она посмотрела на время в телефоне, сняла резинку с запястья и быстро сделала неряшливый пучок из пышных волос; некоторые пряди выбились, красиво обрамляя её личико. Я засмотрелся, но не потому что влюбился. Это было бы глупо. Просто, признаю, Руби — красивая девушка. Вернее, в каждой девушке для меня найдётся красота. Но Руби была приятна, и смотреть на неё оказалось одно удовольствие.

— Разве ты не должна быть в школьной форме? Или ты та самая хулиганка, которая не следует правилам? — я улыбнулся, и мне показалось, что я слишком рад. Не припомню, чтобы в последние дни мне хотелось так часто улыбаться.

— А ты был прилежным учеником? — выгнула бровь Руби, глядя на меня, даже не стараясь избегать зрительного контакта.

— Нет, — спокойно ответил я, открывая дверь с её стороны. У меня не было желания говорить с ней о прошлом. — Тебе пора.

— Ты, наверное, был тот самый тип — плохих мальчиков, которые цепляли красоток, да? — она уже ступила одной ногой на дорогу, но не унималась, ожидая ответа.

— Я был тем, кто бил этих самых мальчиков. А теперь закрой дверь. Малышку Руби уже наверняка заждались, чтобы посчитать циферки, — я подмигнул и сам захлопнул дверь, включив радио с нелепыми, но отвлекающими песнями, оставив девушку у школьных ворот.

Мне не было смысла оставаться и ждать, пока она войдёт. Я не её родитель. Но в зеркале заднего вида я увидел, как к ней подбежали две девушки и стали расспрашивать, бросая взгляды в сторону моей машины. Я был уверен: Руби знатно приукрасит нашу встречу и обязательно расскажет об этом подругам. Так делают все девушки: любая новость должна быть рассказана чужим ушам, и обсуждаться несколько часов, а то и дней.

Я приехал в новый дом ближе к двум часам. Припарковал машину на задний двор, в гараж. Взял мамин телефон. Там было уже десять пропущенных от Сабрины.

Войдя через запасной вход со стороны кухни, я увидел маму. Она уже распивала вино, хотя мебель ещё была завешана простынями.

— Твой телефон, — я положил его на стол и прошёл к раковине. Взял стакан, сполоснул, чтобы освежиться. Был конец апреля, и погода была тёплая.

— Лазил в нём? — спросила мама с небрежностью в голосе. Я выждал паузу.

— Нет. Оно мне не надо, — ответил я, вытирая рот тыльной стороной ладони. — Где Канниль?

— На втором этаже, в своей комнате. Играет, — без интереса и скучающе ответила она, допивая бутылку вина. — Почему так долго? У нас гараж на другом конце города?

— Решил прокатиться по улицам, — солгал я. — Обычный городок, ничем не примечательный. Соседи ещё на работах, можешь не переживать: я никого не видел.

Я поймал её немного пьяный взгляд и улыбнулся.

— Мне не будет на бокальчик? — предложила она.

— Опоздал, — сказала я, но она протянула бокал, заполненный до половины. — Так уж и быть, пару глотков.

Я сел напротив неё. Алкоголь не вызывал во мне привычки; я не был зависим от него, но иногда хотелось немного. Вино оказалось с горечью, но я даже не повёл бровью.

— Вкусное, но ты не увлекайся, — сказал я.

Она молчала.

— Канниль будет переживать, — я убрал пустую бутылку под стол.

Мама тяжело вздохнула, запрокинула голову, прикрыла глаза. Макияж наполовину смазался на её лице, испещрённом морщинами. Она уже не была молода. Мы все теряем свои годы жизни. Но кто-то теряет их, проведя лучшие дни с радостью, а кто-то... должен был бороться за каждый прожитый день.

— Он ещё ничего не понимает, — тихо проговорила мама и взяла в руки телефон, чтобы набрать Сабрину. Она специально уходила от разговора. Кто я такой, чтобы поучать взрослого человека? У нас у каждого своя голова на плечах.

Наверное, мне следовало бы обнять маму и пожелать хорошего дня, но надо ли ей это? Сомневаюсь.

Я поднялся на второй этаж к брату. Нашёл его у порога открытой комнаты, которая теперь принадлежала ему. Я присел на корточки, оказавшись лицом к лицу с ним.

— Привет, во что играешь?

— В гонки! — радостно воскликнул Канниль, показывая три маленьких машинки. — Хочешь со мной?

— Конечно, — сказал я и взял одну жёлтую. Мы начали играть. Но я периодически бросал взгляд на его лицо, чтобы убедиться, что ему действительно весело, что он счастлив.

— Мы всегда будем теперь жить здесь? — спросил он через несколько минут активных гонок и вдруг замер, опустив глаза в пол.

— Ты и мама да.

— А ты...?

— Я уже взрослый, Канниль, мне нужно строить свою семью, — улыбнулся я. На самом деле ни о какой семье и речи быть не может. Я слишком сломан, чтобы подарить этому миру человека, которого несомненно разрушу.

— То есть у тебя будет жена и ребёнок? — Канниль улыбнулся и прыгнул мне на шею. — И тогда у меня будет друг! Или подруга!

Я рассмеялся, мягко хлопая его по спине, и на миг замер: воспоминание того, как отец хлопал меня — но сильнее, до хрипа, до болезненных стонов — нахлынуло внезапно.

— Ты уже нашёл себе девушку? — не унимался брат, дергая меня за воротник рубашки. — Она красивая? Она будет любить меня тоже?

— Её ещё нет, но она уж точно полюбит тебя, — сказал я, снимая его с рук и опуская на пол. — А пока мне нужно отлучиться. Вещи сами себя не разберут.

Я свернул за угол и остановился на миг, услышав бормотание брата:

— Надеюсь, она полюбит меня...

Конечно полюбит, мой мальчик. А даже если и нет, я отдам тебе всю свою любовь. Её хватит на всех.

Заперевшись в большой пустой комнате, я опустился на широкую кровать, застеленную белой простыней. Кровать оказалась пружинистой, чуть скрипящей. Я повалился на спину, раскинув руки в стороны, и прикрыл глаза. Почему-то в голове пронеслись отрывки лица Руби: её злой взгляд, который должен был раздражать, наоборот вызывал прилив больной радости.

Я всегда знал, что выгляжу недостаточно привлекательно для женщин. Хоть у меня и были сносные девицы, все они не задерживались больше месяца. Они хвалили меня за горячий секс, но не отвечали взаимностью на мои признания в чувствах. Они лежали в моих объятиях, вымотанные и счастливые, получили долю эндорфина и улыбались, довольные оргазмом, но ни одна не говорила мне приятных слов, кроме как моему члену. И я не вправе их осуждать: я понимаю, что в чём-то не дотягивал внешне, и они не хотели позориться со мной, отдавая время отношениям с человеком, которого страшно показать близким.

Последняя девушка, с которой у меня была мимолётная интрижка, честно призналась мне на прощальном сексе, что мне следует искать девиц постарше, которые не будут привередливы. И добавила: «Отношения с тобой скучны, мне не хватало эмоций».

Я бы прокатил её на таких эмоциональных качелях, что она бы отходила от этого по несколько раз на дню. Но это был бы не я. Переделывать себя ради другого — не по мне. Любовь должна быть взаимной: принимать друг друга такими, какие мы есть. Иначе зачем она нужна?

Руби была такой же, как и все предыдущие, которых я видел. Она красивая, молодая. Ещё в школу ходит — скорее заканчивает — и у неё, наверняка, завышенные ожидания от партнёра. Зачем ты думаешь о ней, Ли? Ты для неё обычный прохожий. Вы больше не увидите.

Я открыл глаза, потер лицо и сел, увидев в отражении большое зеркало от пола до середины стены. Облизнул губы, выпрямился, поправил ремень на джинсах и на миг замер — я не был худым мальчишкой, а вполне маскулинный, под метр девяносто. Это, пожалуй, единственный положительный критерий, который спасал меня всю жизнь и немного удерживал рядом девушек. Будь иначе, я бы так и остался один.

— Дживон! — крикнула мама.

Я встал. Через секунду дверь открылась, и в комнату ввалился Канниль с машинками, а за ним — мама, слегка покачивающаяся.

— Да, мам? Что случилось? Тебе плохо? — подошёл я, взял её под руку и держал за холодную ладонь.

— Просто хотела попросить тебя съездить ещё за вином. Раз уж ты покатался по городу.

— Может, не надо?

— Надо.

— Ты уверена? Я могу сделать чай, ты ляжешь...

— Дживон! — она повысила голос, и Канниль вздрогнул, уставившись на нас со страхом в глазах. Машинка выпала из его рук.

Мама вырвалась и, тяжело дыша, кинула мне золотую карту, которая упала к моим ногам.

— И брату шоколадку возьми. И его с собой возьми. Нечего ему дома сидеть, пусть развешется, — пробормотала она, убирая пряди каштановых волос за уши, путая их в подоле платья. Я чуть склонил голову и, глядя на неё беспристрастно, протянул руку брату.

— Поехали, — сказал я.

— Вот и правильно, — кивнула мама, дождалась, пока мы выйдем из комнаты, и скрылась на кухне.

Брат молчал, пока мы не выехали из гаража.

— Она сегодня злая, — пробормотал он.

— Просто устала. Её можно понять, — ответил я и включил детские песни, чтобы не слышать его рассуждений о родителях. Настроение было не то.

Мы ехали наугад, и я часто оглядывался, пытаюсь найти хоть один магазинчик. Меня раздражало, что попадались только цветочные, бутики с одеждой или аксессуарами. Потратив полчаса и бензин на бесплодные поиски, я вспомнил дорогу до школы: Руби отлично объяснила, куда и как свернуть. Мы буквально через двадцать минут оказались у ворот.

Время подходило к четырём часам. Судя по тому, сколько школьников выходило, уроки как раз кончались. Я стал высматривать красную макушку, но их было несколько — все рябили в глазах. Дресс-код здесь, видимо, никто не соблюдает: все одеты по-разному, с безумными причёсками и ярким макияжем.

— Канниль, жди меня тут. Я быстро.

Он протестовал, но я уже выскочил из машины и направился к ученикам. Они бросали косые взгляды мне в спину; я всматривался в красноволосые головы, но Руби нигде не было.

Я сделал пару шагов назад, чтоб развернуться и уйти, но наткнулся на группу подростков. Их взгляды были злые. Один из них, рыжий с татуировкой в виде полнолуния между бровей, нахмурился и выпалил мне в лицо:

— Смотри, куда прёшь, урод.

Его друзья засмеялись, осматривая меня с ног до головы.

— Ты сам путаешься у меня под ногами, — сказал я и сделал шаг вперёд. Мы с ним почти одного роста, но я явно массивнее.

— Чего? — он перешёл на повышенный тон и сбросил поношенный рюкзак с плеч. — Кто путается? Я? Или ты чего-то перепутал, мужик?

— Отнюдь, мелюзга, — усмехнулся я и ещё раз огляделся. Но Руби всё ещё не было видно.

Я направился к машине. Не успел схватиться за ручку, как почувствовал резкую, острую боль в затылке. Я склонился вперёд, инстинктивно прижимая ладонь к месту ушиба — кровь тут же просочилась. Обернувшись, я увидел рыжего с камнем в руке; кто-то уже лежал у колеса моей машины.

Вот ублюдки. Я убью их.